

Ц

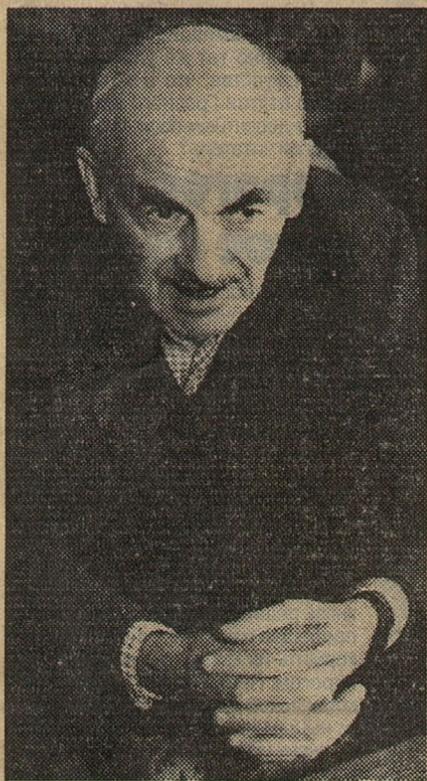
ИДЕМ В ГОСТИ

13 - 19 ОКТЯБРЯ 1995 Г.

ТРУД-7

Живет Булат Окуджаву в маленьком доме писательского поселка Переделкино, калитка во двор с улицы всегда полуоткрыта. Я много раз встречала его на этой улочке, носящей имя советского конорежиссера эпохи соцреализма. А в доме оказалась впервые. Наверное, внимательное изучение интерьера, обстановки многое сказало бы о хозяине. Думаю даже, что Булат Шалвович не осудил бы дотошного любопытства. Но менее всего мне хотелось быть назойливой, да и разговор с писателем о доме, уверена, интереснее описания принадлежащих ему вещей.

МЕД ОГНЕЙ ДОМАШНИХ»

— Вероятно, это говорит, скорее, о вкусе.

— Я думаю, неприхотливость — это качество, которое очень помешало развитию России. Чаадаев сказал, что беда России — ее пространство. А я считаю, что еще и неприхотливость, которую мы веками воспевали, называя это терпеливостью. Терпеливость — это когда человек знает, что плохо, но терпит. А когда он думает, что ничего лучшего и быть не может, — это неприхотливость. В армии, я помню, были люди, страдавшие от еды, которую нам давали, но некоторые были счастливы, что их вообще кормят, а как — не важно.

— Кстати, вам обычно кто-то готовит еду?

— Большею частью я сам. А когда Оля приезжает, конечно, это делает она.

— Ну а как вы оцениваете свои кулинарные успехи?

— Кроме теста, все могу. Но я стараюсь готовить не очень громоздкие блюда, чтобы не тратить время. Но если уж задумал что-то, стараюсь делать все, как полагается.

— А садоводством-огородничеством, часом, не увлекаетесь?

— Пытался, знаете, но ничего из этого не вышло. Как раз в то время, когда нужно интенсивно копать в земле, я вынужден уезжать. Приезжаю — все заросло...

— Ваши друзья — тоже литераторы?

— Настоящие друзья, самые близкие мне люди, которые уже и не друзья, а родственники — не литераторы. Это друзья моей юности, отрочества. Среди литераторов есть несколько друзей, самый близкий — Белла Ахмадулина. Но друзей много не бывает.

— Вы, наверное, склонны к одиночеству?

— Нет, к одиночеству я не склонен, к уединению — да. Потому что этого требует профессия. Хотя бывает иногда довольно тоскливо. Не скучно — я скучать не умею.

У меня есть семья, которую я очень люблю. Они тоже бывают здесь в хорошую погоду и когда обстоятельства позволяют. Все есть у меня. Друзья приезжают, не каждый день, конечно. Ведь мы — люди немолодые, нам трудно уже в любую минуту сорваться и мчаться куда-то. Но если приходит тоска — я сажусь в машину и еду в Москву.

— Московская квартира перестала располагать к творчеству?

— Так сложились обстоятельства, что в Москве я работать не могу. Все, что мне необходимо, — уже здесь. И потом, сын — композитор, в одной комнате — сплошь его аппаратура. В другой — Оля, моя жена. И — музыка, бесконечные звонки, кто-то приходит, уходит... Когда я остаюсь в Москве, нам очень сложно.

— А сейчас дело, которым занимается Ольга — создание музея кукол, — требует еще больше общения, контактов с самыми разными людьми. Вас это не огорчает?

— Напротив, я очень за нее рад, потому что она как одержимая этим занимается, столько прекрасных людей вокруг нее собралось. Причем бессребреников — доходов-то нет. Наоборот, пока мы вкладываем свои деньги.

— А как вы познакомились со своей женой, Булат Шалвович?

— В Москве жил ее дядя — известный физик Лев Арцимович. А я тогда входил в моду, меня приглашали в

разные дома, и я с удовольствием ходил. Пригласили в гости к академику Арцимовичу, там было много знаменитостей, интересных людей. И была одна юная дама, которая мне очень понравилась. Видимо, я ей — тоже. И у нас очень быстро начался роман...

Мы жили в бедности, я мало зарабатывал, литературным трудом только начинал заниматься, еще ни одного романа не написал. Однажды я получил гонорар 1100 рублей — это был такой праздник!

— Вы часто выступаете вместе с сыном. Это — постоянная совместная работа, некий семейный подряд?

— Нет, мы не работаем вместе, просто он иногда помогает мне выступать. Но это бывает не часто. У него своей работы полно.

— У вас с ним близкие отношения?

— Не могу сказать, что близкие, но я его очень люблю, он меня тоже, но мы оба сдержанны, склонны больше к шуткам.

— Здесь, в кабинете, висят колокольчики. Их всегда показывают по телевидению, когда вас снимают. Давно ли вы их собираете, Булат Шалвович? И вообще склонны ли вы к коллекционированию?

— Я их не собираю. Так как-то лет 6-7 назад началось, а теперь все мне дарят колокольчики. Склонности к коллекционированию у меня нет. Иногда увлекаюсь чем-то, начинаю собирать лихорадочно, а потом бросаю — этим же надо заниматься всерьез. Одно время собирал всякие фигурки из корней, потом все их раздарил...

— В ваших автобиографических рассказах я не встречала описаний счастья, теплого дома. Убогая комнатуха студента в послевоенном Тбилиси, холодное, неуютное жилище молодого учителя в калужской деревне...

— Да, я очень долго не имел настоящего дома. В детстве, до 12 лет, у меня был нормальный дом, но тогда я этому не придавал значения. А сейчас упорно вспоминаю подробности того быта. Год еще я хорошо жил у тети в Тбилиси. Это было в начале войны. И все. Потом, уже почти к старости, я приобрел себе квартиру.

— А ту квартиру на Арбате, где жили в детстве с родителями, вы пытались вернуть?

— Это была не квартира — две комнаты в коммуналке. Во время войны я был в отпуске по ранению, приехал в Москву, пришел — там уже жили другие люди. Я пошел выяснять, в чем дело, и мне дали понять, что я — сын врагов народа и лучше мне не высываться. Мне было тогда 19 лет, я был непрактичным человеком. А вот сейчас мечтаю зайти в эту квартиру. Вдруг из старых жильцов кто-то есть.

— Ни разу там больше не были?

— Ну во двор заходил...

Арбата больше нет. Растаял, словно свеченька, весь вытек, будто реченька, осталась только Сретенка. Ах, Сретенка, Сретенка, ты хоть не спеши. Надо, чтоб хоть что-нибудь осталось для души.

— Вы — москвич, но учились в Тбилиси, работали в калужской глубинке, а в Москву вам позволили вернуться...

— ...в 1956 году, после двадцатого съезда, когда реабилитировали моих родителей. 30-е годы, мое детство — об этом я написал в своем последнем романе «Упраздненный театр».

— Булат Шалвович, вы, как и многие российские писатели, зарабатываете на жизнь не своими рома-

нами и стихами. Гастрольные поездки — ваш основной заработок?

— Главный. Мои литературные гонорары очень малы. Для сравнения: раньше за роман я получал примерно 9-10 тысяч рублей — мог купить «Жигули», и на жизнь еще оставалось. Теперь же, чтобы купить «Жигули», мне нужно написать 40-50 романов!

— Но такая ситуация почти во всем мире — писатели, поэты зарабатывают журналистикой, преподаванием и т.д.

— Наверное. И меня это совершенно не поражает и не удручает — это нормально. Любопытно другое. У нас есть журналы, которые платят очень большие деньги, в общем, за пустяки. Я недавно опубликовал маленький рассказ, за который мой любимый журнал «Знамя» дал бы гроши, а здесь — приличные деньги.

— Вы никогда ни на что не жалуетесь, ничего для себя не требуете, никого не обличаете, и вообще ваш негромкий голос слышат, видимо, лишь те, кто к нему прислушивается. Это ведь не оттого, что вы всем довольны, со всем смирились, все, что происходит, приняли?

— Абсолютно ни с чем не смирился и далеко не всем доволен. Просто натура такая, характер. Я — человек сдержанный, не люблю быть судьей. Хотя у меня есть очень жесткие вопросы.

— К конкретным деятелям?

— Нет, отдельные личности есть неприятные и даже отвратительные, но это — другое. Меня совершенно не удивляет и не приводит в отчаяние сложившаяся сейчас ситуация в стране. Я достаточно хорошо знаю русскую историю прошлого века, и то, что происходит сегодня, — естественное ее продолжение.

— Оно вас не огорчает?

— Огорчает, и более того. Но не удивляет. Мы такие, какие есть. И мы либо погибнем, либо выживем.

— Что же может помочь?

— Обстоятельства. Может быть, чрезвычайные, которые заставят нас мобилизоваться.

— А за кого вы будете голосовать в декабре?

— Вот этого не скажу — я размышляю. Ведь что сейчас происходит на заседаниях нашей Государственной Думы — устраивают клоунады, дерутся, едят арбузы и прочее. Но какое общество — такая и власть. У нас не любят сильно умных.

Шибко грамотным в обществе нашем

неуютно и как-то темно.

Нет, не грохот проклятий им

страшен —

злбный шепот, возникший

давно...

— Ну про вас-то этого не скажешь. Слава к вам все-таки пришла.

— Я считаю, слава — вещь посмертная, при жизни ее не бывает. Ко мне пришли известность, популярность. И я очень этому рад. А круг моих почитателей не так уж велик, хотя очень стоек.

— Вы как-то очень спокойно относитесь к своей популярности и даже к поклонению публики — привыкли?

— Знаете, известность пришла, когда я уже был зрелым человеком, многому знал цену. А вот если бы это произошло, когда мне было 20 лет, не знаю, что бы из меня вышло.

— Как вы предпочитаете проводить время, когда не работаете?

— Люблю читать, общаться с приятными людьми, смотреть телевизор. Причем мне интересно смотреть хорошие детективы, которые, правда, тут же забываю. Но любопытен сам процесс расследования, и я бываю счастлив, когда преступник наказан.

— Может, это на вас влияет работа в комиссии по помилованию?

— Может быть. Это очень тяжелое дело. Такие чудовищные преступления совершаются! И я — убежденный противник смертной казни — считаю, что пока в России ее нельзя отменить. Ну как я могу проголосовать за помилование, скажем, районного прокурора, который несколько лет руководил бандой? Но это — тема отдельного разговора...

Беседу вела

Ольга СОЛОМОНОВА.

Фото Валерия УТЦА.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Булат ОКУДЖАВА

Назидание автомобильным лихачам

Не меняйте полосы

в напряженные часы.

Не старайтесь доказать,

что нельзя вас наказать.

Пусть другой рулит смешно,

уничать его грешно.

Научитесь в миг любой

посмеяться над собой.

Да, схватившись за рули,

вы, конечно, — короли.

Но любого короля

ждет родимая земля.

Лучше шествовать по ней,

чем молчать в краю Теней.

Жизнь не надо торопить,

пригодится, может быть.

Пока он писал о России,

не мысля потрафить себе,

его два крыла возносили,

два праведных знака в судьбе.

Когда же он стал «патриотом»,

и вдруг загордился собой,

он думал, что слился с народом,

но вышло — смешался с толпой.

Лицо у завистника серое с желтым оттенком, поэтому он благодарен житейским потемкам, где цвет этот странней как будто размазан по стенкам, ну чтоб поприличнее, что ли, пробиться к потомкам.